

**РЕПНИКОВ А.В. КОНСЕРВАТИВНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
О ПЕРЕУСТРОЙСТВЕ РОССИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКОВ):
МОНОГРАФИЯ. М.: ГОТИКА, 2006. 424 С.**

М. А. Емельянов-Лукьянчиков

Московский городской педагогический университет

Новая работа доктора исторических наук А. В. Репникова представляет собой первый в историографии совокупный анализ наследия таких мыслителей как К. Н. Леонтьев, К. П. Победоносцев, Л. А. Тихомиров, М. О. Меньшиков, Иоанн Восторгов, С. Ф. Шарапов, К. Н. Пасхалов, И. И. Дусинский, С. Н. Сыромятников, В. Строганов, В. А. Грингмут, П. Е. Казанский, Н. А. Захаров, П. И. Ковалевский, А. Е. Вандам, Э. Ухтомский, А. Г. Щербатов, Д. А. Хомяков, Н. И. Черняев, Г. В. Бутми, А. Д. Нечволодов, П. Ф. Булацель и другие. Основное место в работе занимают государственные (политические, социальные и экономические) взгляды консерваторов, кроме того, рассматриваются представления о религии, национальном вопросе, междивизиционных отношениях. Впервые в историографии, в том числе и на архивном материале, прослежены судьбы лидеров консерватизма (Меньшиков, Тихомиров, А. И. Дубровин, Иоанн Восторгов, В. М. Пуришкевич, В. В. Шульгин, Сыромятников и другие.) в пост-революционный период.

В книге рассматривается историография начиная с 80-х гг. XIX века и по 2006 год. Автор делает ценный вывод о том, что дореволюционные работы в целом характеризуются предвзятостью по отношению к консервативной мысли, и это понимание интересно сравнить с мнением В. И. Косика, который, ознакомившись с отзывами Н. А. Бердяева о Леонтьеве, констатирует: «Все не так. Леонтьев здесь прочитан не верно, вернее, по-бердяевски» [1]. Это справедливо – консерваторы и их современники жили в одно время, но совершенно в разных мировоззренческих измерениях, и было бы неверно полностью полагаться на мнения именитых противников консервативной идеологии.

Нельзя не отметить знание автором монографии источников, и умение работать с ними. Репников является ведущим специалистом Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и известен как публикатор наследия консерваторов. В настоящее время в издательстве «Российская политическая энциклопедия»

(РОССПЭН) готовится книга, в которую войдет, снабженный вступительной статьей и комментариями, полный текст дневника за период 1915–1917 гг., хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Предполагаемый срок выхода книги – середина 2007 г. В ходе работы над книгой, продолжавшейся около 5 лет, некоторые материалы дневника были введены Репниковым в научный оборот в ряде публикаций с обязательной ссылкой на грант РГНФ, в том числе выдержки из дневника за 1915–1916 гг. вошли в приложение к монографии. В соавторстве с В. С. Христофоровым Репников опубликовал в 2003 г. в журналах «Вестник архивиста» и «Новая и новейшая история» отдельные материалы следственного дела В. В. Шульгина, которое хранится в Центральном архиве федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ России). В 2004 г. в соавторстве с В. Г. Макаровым он впервые ввел в научный оборот материалы следственного дела А. И. Дубровина. В том же году основные материалы этого дела были опубликованы Макаровым в «Архиве еврейской истории». [2] Помимо упомянутых источников в книге использованы материалы Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) и Центрального исторического архива г. Москвы (ЦИАМ), которые впервые вводятся в монографии в научный оборот.

Отметим и работу Репникова как текстолога: в монографии неоднократно обращается внимание на недобросовестные цитаты ряда авторов, а также на то, что републикации трудов консерваторов часто сокращаются в части, касающейся обсуждения национального вопроса¹.

¹ В свою очередь обратим внимание на сокращения в первом постсоветском издании «России и Европы» Данилевского (*Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. / сост. С. А. Вайгачев. М.: Книга, 1991), где опущены критичные мнения по национальному вопросу (см.: *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому / пред. А. В. Ефремова; коммент. А. А. Галактионова; послеслов. Н. Н. Страхова. М., 2003. С. 46, 219, 337, 437).

Очень важным представляется понимание автором монографии необходимости четкой терминологической базы. Вслед за В.В. Шелохаевым и С. М. Сергеевым он разводит понятия традиционализма и консерватизма в хронологическом контексте: «Консерватизм означает признание возможности развития на почве сохранения традиционных ценностей» (с. 6). В этой связи значимы места рассматриваемой монографии, позволяющие судить об отношении консерваторов русской традиции к либерализму, социализму и движениям в духе «крови и почвы».

Автор монографии справедливо отмечает (с. 185–197), что русскому консерватизму изначально чужды идеалы «крови и почвы», что обнаружилось, в частности, в антипанславизме Леонтьева, Строганова, Ковалевского и Меньшикова (с. 275–276). Вместе с тем, в дискуссии консерваторов по национальному вопросу заметно отсутствие леонтьевского различения позитивной «национальной политики» и негативной «племенной политики», [3, 120–132] что говорит о недостаточности изучения консерваторами работ друг друга. В их наследии нужно отметить панславизм Дусинского (с. 272) и мнение Меньшикова о том, что «истинная причина возвышения царств» – это «чистота расы», а «истинная причина упадка их – смешение рас» (с. 202), которое небезынтересно сравнить с ответом А. Гитлера О. Шпенглеру: «кровосмешение и связанное с этим понижение расового уровня – это единственная причина гибели старых культур» [4]. Таким образом, перенос частью консерваторов акцента с духа на «кровь» стал показателем кризиса консерватизма в плоскости осмысления национального вопроса.

Весьма актуальна рассматриваемая в монографии проблема отношения консерваторов к Китаю (с. 258–268), которая характеризуется не боязнью чужой, китайской, цивилизации, но попыткой сохранения цивилизации своей, русской. Автором выявлены значимые высказывания консерваторов по «Восточному вопросу», например мнение Захарова, который отмечал, что «стремление России к утверждению своего влияния на берегах Босфора и Дарданелл сравнительно недавнего происхождения и относится... к императорскому периоду» (с. 289). Это полностью согласуется с мнением таких авторитетных исследователей, как Н. Ф. Каптерев, Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье и Н. В. Сеницына [5, 9, 11].

Отношение консерваторов к социализму и коммунизму (эти понятия далеко не всегда разде-

лялись) также было в основном отрицательное. Причем представленное в книге мнение о позитивном отношении Леонтьева к социализму (на с. 87 и 297 автор пишет о том, что Леонтьев не видел в социализме «антихристианских и деструктивных тенденций», а потому «разуверился в прочности самодержавной системы и... сделал ставку на социализм») представляется недоразумением. Рассматривая отношение Леонтьева к учению социализма, необходимо понимать, что в его сознании четко разделялись идеальная истина (например, религиозные ценности) и истина конкретно-историческая. Отсюда нет никакого противоречия в том, что, резко отторгая социализм как антихристианское явление позднего, кризисного, периода развития русской и европейской цивилизаций, для современной ему России он считал одним из главных вопросов «вопрос социально-экономический» [6, 427], в частности «организацию отношений между трудом и капиталом» [7, 392] (в рассматриваемой монографии ценно описание попыток решения «рабочего вопроса», предпринимавшихся Леонтьевым и Тихомировым). Леонтьевская позиция была схожа с позицией Пасхалова: «мы останемся верны нашей идее государственного строения Руси, но не наш идеал осуществится...».

Либеральные ценности воспринимались консерваторами негативно, так как либерализация понималась как уход от традиции, и лишь Тихомиров да Меньшиков, в той или иной мере, поддержали февральскую революцию 1917 г. (с. 308–317). В этой связи хотелось бы отметить сугубую корректность автора монографии – А. В. Репников не переносит оценку неблагоприятных личностных черт отдельных консерваторов на все их наследие.

Материал, представленный в монографии, демонстрирует не только то, что консерваторы отвергали, но и то, что их историческим идеалом были XVI – первая половина XVII вв., которые воспринимались в качестве расцвета русской цивилизации. В пользу этого говорят высказывания Меньшикова в духе иосифлянства («спасти от гибели может только суровая дисциплина так называемой плоти» – с. 93–94), попытки признания старообрядцев как религиозных и культурных охранителей (с. 180–182), восстановления патриаршества и возрождения симфонии (посредством поставления царя Николая II в качестве патриарха (с. 168–176) [8, 496–499], отделения «дела государева» от «дела земского» (идея Шарапова, с. 157–161), переноса столицы России в Москву (с. 142–144), созыва земского собора (с. 141–145), самоназвания части

консерваторов «Черная сотня» (с. 176) и др. В этой связи нельзя согласиться с автором в том, что «в России начала XX века только еще начали складываться традиции мирного разрешения национальных, социальных и религиозных противоречий» (с. 211): традиция сосуществования насчитывала к этому времени уже тысячу лет, и первые консервативные тенденции в русской истории наблюдаются уже в XVII в. Представленный в монографии материал полезен для проведения давно назревшего отказа от игнорирования допетровского наследия, которое характерно для историографии отечественной мысли XVIII–XX вв. Шарапов справедливо писал, что петровские реформы были «историческим насилием» (с. 134), и на эпоху славянофилов приходится лишь возрождение (а никак не зарождение) русского национального самосознания.

Вместе с тем, отвергая либеральность, консерваторы нередко уходили в иную крайность: идея Леонтьева о «реакционно-прогрессивном направлении» [7, 391] не была в должной мере ими воспринята. В обоснование своих воззрений Данилевский, Тихомиров, Черняев ссылались на XVI–XVII вв. (с. 163–164), и в этом была историческая сила консерватизма, но не учитывая того, что в XIX – начале XX столетий Россия находилась уже на качественно ином уровне развития (по Леонтьеву, в периоде «вторичного смесительного упрощения»), консерваторы не всегда верно интерпретировали историческую реальность. Особенно ярко это видно у Данилевского, имя которого совсем недавно связывалось с «классовым мировоззрением российских крепостников-дворян», пытавшихся остановить «надвигающуюся буржуазно-демократическую революцию» [9, 325]. В действительности, непредвидение грядущей революции является одной из характерных черт «России и Европы»: Данилевский был уверен в том, что Россия никогда не будет иметь революции, «имеющей целью ограничение размеров власти, присвоение всего объема власти или части ее каким-либо сословием или всею массою граждан, изгнание законно царствующей династии и замещение ее другою» [10, 470–471]. Многие консерваторы видели свою миссию лишь в охране и отрицании, и очень точно это описал Тихомиров: «к сожалению у нас гораздо больше антисемитов, чем православных, гораздо больше абсолютистов, чем монархистов, и причины бессилия церкви и монархии стали гораздо яснее... такие люди могут быть только реакционерами, но никак не строителями русских начал»

(с. 89). В итоге, как справедливо отмечает Репников, к XX столетию чисто «охранительный катковско-победоносцевский подход к самодержавию изжил себя» (с. 99; хотя нельзя не отметить, что даже Победоносцев понимал – «мы уже не можем вернуться» к допетровской Руси с. 178).

При оценке деятельности консерваторов необходимо учитывать их религиозные взгляды (так, представление о необходимости общественной иерархии есть норма, вынесенная ими со страниц Священного Писания, с. 118) и то, что среди них были люди, канонизированные Русской Православной церковью (Иоанн Кронштадский и Иоанн Восторгов), а создание черносотенных обществ происходило с благославения иерархов церкви (с. 176–177). Кризис русского консерватизма наглядно отражен именно в религиозных взглядах его представителей – разительный контраст с взысканием горнего мира (характерным, скажем, для Леонтьева) представляют оскорбительные высказывания о христианстве, принадлежащие Меньшикову (с. 57), равно как и позитивное восприятие идеи «розового христианства» последним (с. 190).

Таким образом, можно согласиться с автором в том, каковы были причины поражения консерватизма рубежа XIX–XX вв.: он был неоднородным идеологическим течением (с. 36), которое не смогло выработать единую концепцию и программу (с. 347), не смогло сплотить церковь, монархию и народ. Как отмечал Тихомиров, традиционная Россия оказалась разбита «силами своих врагов только потому, что у нее появилась гниль в ней самой» (с. 306–307), и хотя консерваторы отодвинули во времени крушение традиции, они так и не сумели его предотвратить. Тем не менее, последовательно отвергая то, что не принадлежит традиции, возвращая послепетровской России идеалы эпохи «цветущей сложности» (хотя и далеко не всегда проводя современную редакцию этих идеалов), виднейшие деятели русского консерватизма сильно повлияли на взгляды «русской партии» советского и постсоветского периода и таким образом одолели свою современность. Главный урок, который дает их наследие, заключается в том, что осмысление прошлого и созидание будущего должны исходить, с одной стороны, из реальной исторической ситуации, а с другой стороны – из норм традиционного миропонимания, идеал которого, действительно, расположен «по ту сторону “правых” и “левых”» (с. 350). Раскрытие этих мировоззренческих категорий и исторических реалий на качественно новом уровне характеризует значительный вклад Алек-

сандра Витальевича Репникова в изучение истории русского консерватизма, ни одно серьезное исследование на эту тему не сможет обойтись без ссылок на рассмотренную монографию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Косик В. И.* Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М., 1997.
2. Следственное дело доктора Дубровина / вступ. ст., публ. и прим. В.Г. Макарова // Архив еврейской истории. Международный исследовательский центр российского и восточноевропейского еврейства. М., 2004. Т. 1.
3. *Емельянов-Лукьянчиков М.А.* Концепция «племенности» К. Н. Леонтьева в цивилизационной историософии XIX–XX веков // Вопросы истории. 2004. № 9.
4. Цит. по: *Leers J. von: Spenglers Weltpolitisches System und der Nationalsozialismus.* Berlin, 1934. S. 18, 12.
5. *Кантерев Н. Ф.* Характер отношения России к Православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914. С. 34; *Лихачев Д. С.* Национальное самосознание Древней Руси. М.–Л., 1945. С. 100, 104;
6. *Лурье Я. С.* О возникновении теории «Москва – Третий Рим» (к выходу в свет второго издания книги Х. Шедер) // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. М.–Л., 1960. Т. 16. С. 626–636; *Синицына Н. В.* Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998.
7. *Леонтьев К. Н.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891) / общ. ред., сост. и коммент. Г. Б. Кремнева; вступит. ст. и коммент. В. И. Косика. М., 1996.
8. *Леонтьев К. Н.* Записка о необходимости новой большой газеты в С.- Петербурге. // *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и Славянство... С. 391.
9. *Леонтьев К. Н.* Записка о необходимости новой большой газеты в С.- Петербурге. // *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и Славянство...
10. [Деборин-Иоффе А. М.?] *Данилевский Н. Я.* // Большая советская энциклопедия. Т. 20. М., 1930.
11. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 2003.